

УДК 930.1+947«1925»

Дискуссионные вопросы движения декабристов в постсоветской историографии*

Г. Д. Казьмирчук, Ю. В. Латыш

Национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Киев (Украина)

В статье рассматриваются основные направления в современном декабристоведении, причины размежевания среди исследователей, смысл и значение переоценки роли движения декабристов в истории России.

Ключевые слова: советская и постсоветская историография движения декабристов, научные школы, новые подходы, методология изучения декабризма, политическая элита начала XIX в., дворянская ментальность.

Движение декабристов остается одной из самых популярных исследовательских тем. Литература по ней насчитывает уже свыше 18 тыс. монографий, статей, очерков, художественных произведений [28, с. 563]. Поскольку декабристы не смогли реализовать свои планы, а в тайные общества входили люди с различным мировоззрением, существует множество научных концепций декабристского движения. Одни исследователи видят в нем начало революционного движения, другие – конец эпохи дворцовых переворотов, третьи – первый масонский заговор. Однако большинство соглашается, что восстание декабристов стало этапным пунктом в истории Российской империи, без которого она могла бы иметь другой ход.

На наш взгляд, движение декабристов было точкой бифуркации в истории не только России, но и, возможно, всей Европы. Победа декабристов могла бы круто изменить ход всемирной истории. Этим объясняется неугасающий интерес к декабризму.

Становление новейшего декабристоведения происходит на фоне утверждения плюралистичных подходов к научным исследованиям, мировоззренческих споров, утраты связей между бывшими республиками СССР. За последние 20 лет постсоветское декабристоведение развивалось в двух направлениях:

1) уточнение и конкретизация уже известных фактов, поиск и публикация малоизвестных документов, изучение историографических и краеведческих сюжетов;

2) кардинальное переосмысление движения декабристов, переоценка его роли в истории России и Европы.

Первый путь избрали известные советские декабристоведы С. Коваль, Н. Матханова, С. Мироненко, Г. Невелев, Э. Павлюченко, Т. Перцева, Е. Руд-

---

* Статья посвящена 90-летию со дня рождения Семена Федоровича Ковалья.

ницкая, А. Семенова, В. Федоров, Г. Казьмирчук и др. С другой стороны, появилась целая плеяда ученых, желающих отыскать новые подходы к проблеме, создать новые концепции декабристского движения. Среди них есть представители научных кругов, получившие блестящую спецподготовку и прошедшие хорошую научную школу (Т. Андреева, В. Бокова, А. Готовцева, П. Ильин, О. Киянская, Я. Леонтьев, В. Парсамов, М. Сафонов, А. Шешин, О. Эдельман, С. Эрлих), но есть и непрофессиональные историки, околонучные публицисты, часто выступающие в роли мифотворцев. Существует, правда, и третий путь – путь декабристоведческого «застоя» – отказа от любых новшеств. Однако, приняв его, мы тем самым вынуждены будем признать несостоятельность декабристоведения как отрасли исторической науки.

Декабристоведческие труды последнего двадцатилетия и станут предметом нашего исследования. Отдельные аспекты поставленной проблемы изучались в работах российских декабристоведов В. Боковой, Ю. Епанчина, О. Киянской, А. Шешина [16; 14; 26], украинских историков Г. Казьмирчука, О. Крыжановской, Ю. Латыша и др. [9; 10; 15].

Рождение постсоветского декабристоведения ознаменовалось появлением обобщающих работ В. Федорова в России и Н. Савичева на Украине [21; 25]. Книга В. Федорова позже подверглась суровой (быть может, даже слишком суровой) критике. Ученого обвинили в нежелании переходить не «новые рельсы». В его книге, помимо фактических ошибок, обнаружили старое мировоззрение [26, с. 257–277]. Книге Н. Савичева с рецензентами повезло больше, хотя и для нее характерны вышеперечисленные недостатки. Но так это только с высоты сегодняшнего дня. В самом начале 1990-х гг. эти книги выглядели революционными, сейчас же мы можем предоставить им почетное место переходных звеньев от советского к современному декабристоведению. Возможно, слишком жесткая оценка книги В. Федорова отбила у декабристоведов желание писать обобщающие труды, а это является насущной задачей современности.

Декабристоведение уже имеет большие обобщающие работы, вышедшие из-под пера В. Семева, А. Пыпина, М. Довнар-Запольского, Н. Дружинина, М. Нечкиной, Н. Лысенко, Г. Сергиенко и др. Поэтому невозможно создать новую схему декабризма, избежав компиляции. Речь может идти о пересмотре оценочных категорий, уточнении отдельных фрагментов, но фактический материал, собранный дореволюционными и советскими историками, все равно будет составлять основной массив нового обобщающего труда. Другой причиной, усложняющей написание новой истории декабризма, является громадный объем материала, овладеть которым вряд ли под силу одному ученому. На наш взгляд, эту задачу должен решать коллектив авторов – специалистов по отдельным вопросам декабризма, представителей разных постсоветских государств.

В начале 1990-х гг. переосмысление исторического наследия зачастую сводилось к замене позитивных знаков негативными и наоборот, популярными были поиски корней большевизма в революционной традиции России. Иногда в науку проникали публицисты, аматоры и, что еще хуже, политичес-

кие эквилибристы, создавая абсурдную схему декабристского движения. Тогда же возник вопрос о его мотивах. Коротко его можно сформулировать таким образом: самопожертвование или борьба за власть? Представители разных идеологических доктрин в декабристоведении предлагали различные способы его решения. Так, В. Бокова, склонная к идеализации декабристов, считала, что они были готовы к самопожертвованию во благо Отчизны, но после пролитой крови пришло раскаяние. Более прагматичная О. Киянская, не исключая раскаяния отдельных декабристов (С. Муравьев-Апостол), отмечала, что главной целью заговорщиков была политическая власть, а наиболее ярким примером борца за власть считала П. Пестеля, готового ради успеха приносить в жертву некоторые идеи. О. Киянская отмечала, что лидер Южного общества способствовал неоказанию помощи греческим повстанцам с целью вызвать недовольство правительством в обществе [13].

Украинский декабристовед Л. Казакевич пошел еще далее, объявив декабристов борцами за власть любой ценой и предтечами большевиков [7]. Е. Рудницкая, наоборот, считала декабристов последователями «революционера на троне» Петра I. По ее мнению, поражение «благовестителей свободы» дало мощный толчок к повороту России с европейского пути к поискам «русского пути», самоидентификации России как исторической державы.

Отдельное течение современного декабристоведения представляют исследователи монархической и праворадикальной ориентации: В. Острецов, О. Платонов, М. Смолин. Их концепция предусматривает наличие мирового масонского заговора против «Святой Руси». Представители этого течения стоят на позициях нецелесообразности автоматической экстраполяции европейских ценностей и способа жизни на российскую почву. Так, О. Платонов полагает, что декабристские проекты преобразований противоречили «духу российского народа» [20, с. 91].

Основной задачей своих работ эти исследователи ставят доказать, что: 1) масонство было первоосновой возникновения всех тайных обществ в России до декабря 1825 г.; 2) все, кто стоял во главе декабристского движения, не были высокоморальными людьми и бескорыстными борцами за идею; 3) образ Николая I умышленно искажен. В. Острецов пришел к выводу о наличии тайного соглашения между Николаем I и масонской верхушкой, в результате которого император сохранил жизнь и трон, а заговорщики из высших сфер Ордена вольных каменщиков – правительственные посты [18, с. 357].

Явно надуманным выглядит вопрос о чистоте морального облика декабристов. М. Смолин попытался отыскать максимальное количество эпизодов их неблагоприятного поведения. Он отказывает декабристам в порядочности, обвиняет в обмане солдат, а руководителей восстания – в отсутствии храбрости [23, с. 8]. На Украине аналогичные мысли прозвучали в газетных публикациях Я. Тынченко, Н. Влащенко и В. Сенчихина. Например, первый заявляет, что П. Каховский – «типичный преступник», декабристы не были героями войны 1812 г., а декабристоведы «оболгали царскую семью» [24, с. 8].

Доказав, что декабристы, прежде всего, стремились к политической власти, современные историки часто впадают в раздумья, что моральный облик

«священных коров» испорчен. Одни (М. Смолин) пишут об этом с плохо скрываемым злорадством, другие – с разочарованием, третьи (как В. Бокова) оправдываются, мол, декабристы были не первыми, кто поднял вооруженное восстание, говорил про цареубийство и конституцию [2]. ореол моральной непогрешимости, созданный вокруг декабристов дореволюционной интеллигенцией и поддерживаемый в советское время авторитетом ленинских цитат, сильно завысил моральные требования к ним. То, что с легкостью «прощается» другим историческим персонажам, касательно декабристов подается как свидетельство непорядочности.

На наш взгляд, нельзя согласиться с методологией правомонархических исследований. Так, М. Смолин делает выводы, исходя только «из внутренней логики преследуемых масонством целей», поэтому в работах о масонах присутствует «большая, домысливаемая их авторами область, которую невозможно подтвердить документально» [23, с. 20–21]. Однако этот путь ведет к возведению досужих домыслов в ранг научных концепций.

Благодаря работам правомонархистов в постсоветской исторической науке был снят саван с деятельности масонских и преддекабристских организаций, поставлен вопрос о финансовом состоянии декабристов и пр. Масонскую тематику продолжает развивать группа так называемых масоноведов. Наиболее известны россияне А. Серков, О. Соловьев, украинка О. Крыжановская, которые проводят четкую грань между декабризмом и масонством.

Близка к правомонархической концепция писателя А. Бушкова, усматривающего в выступлении декабристов последнюю попытку гвардейского переворота. Он проводит параллель между подавлением восстания декабристов и ликвидацией янычарского корпуса Османской империи [4].

Ответом на выступления правомонархистов стала реанимация либеральной легенды, основателем которой был декабрист Н. Тургенев, а наиболее полно она представлена в трудах А. Пыпина. Ее апологеты (В. Бокова, историк и писатель Я. Гордин, считающий декабристов «либералами с имперской идеологией», философ И. Яковенко, кинорежиссер В. Мотыль) видели в декабристах сторонников установления в России правового государства мирным путем, а восстание 14 декабря 1825 г. считали мирной демонстрацией. Они противопоставляли либерализм и революционность, игнорируя, что в начале XIX в. эти понятия были почти тождественными [11, с. 209].

В последние годы появились попытки расширить декабристское движение, приподняв завесу над скрытыми хитросплетениями придворных интриг начала XIX в. Однако ввиду отсутствия надежных источников они, как правило, неудачны. Концепция либерального писателя И. Бунича заключается в том, что государственный переворот в России произвел Николай I после добровольного отречения Александра I, продолжившего жизнь под именем старца Федора Кузьмича. Преданный Александру I петербургский генерал-губернатор М. Милорадович был убит по приказу нового императора.

В концепции В. Брюханова М. Милорадович, наоборот, выступает главным заговорщиком. Он, с помощью И. Дибича и П. Киселева, подготовил государственный переворот, организовал отравление Александра I и готовился

к уничтожению императорской фамилии. Лидеров декабристов М. Милорадович шантажировал и вынудил к восстанию 14 декабря 1825 г., чтобы оказывать давление на Николая I [3].

М. Сафонов считает организатором восстания императрицу Марию Федоровну, желавшую занять престол и для этого провоцировавшую конфликт между великими князьями Николаем и Константином [22].

Плетя нити заговоров, существующих только в их умах, авторы не задумываются, что при участии в них высшего генералитета и высших сановников империи, а также финансово-промышленных кругов у Николая I не было бы ни единого шанса стать императором. В России существовала столетняя традиция дворцовых переворотов, когда для смены правления порой хватало восьми десятков гвардейцев. Кроме того, все искатели «теней за сценой» ощущают дефицит источников [8], поэтому некоторые события просто домысливаются. Так делает В. Брюханов, придумывая письма, разговоры и договоренности своих героев.

Ученые-профессионалы, как правило, не ставят целью переосмыслить весь декабризм, а пытаются найти новые подходы к отдельным его аспектам. Среди новых направлений в декабристоведении – ментальный анализ российской политической элиты начала XIX в. Над этой тематикой работает украинский историк Т. Орлова, которая объясняет возникновение, развитие и следствия движения декабристов исходя из ментального анализа, включающего не только этнический (российский национальный характер), но и социальный (дворянская и офицерская ментальность) аспекты [17]. Исследовательница считает, что в деятельности декабристов переплелись элементы стремящейся к постоянному обновлению либеральной цивилизации и традиционной, ставящей во главу угла сохранение существующего строя.

Активно изучается деятельность тайных обществ. Современная наука приподняла занавес над существованием в них различных группировок. В переосмыслении деятельности Южного общества и восстания Черниговского полка пальма первенства принадлежит О. Киянской, считающей, что упомянутая организация не была монолитной, способной в решающий момент захватить власть. Ее поддержала В. Бокова, стоящая на позициях отсутствия единого декабризма: тайные общества объединяли людей различных взглядов, это был союз «против», но не «за». Однако иногда ученые впадают в крайности, гиперболизируя противоречия между группами декабристов. Например, вызывает некоторую настороженность слишком активное акцентирование О. Киянской на разногласиях между С. Муравьевым-Апостолом и С. Трубецким, с одной стороны, и П. Пестелем, – с другой.

Одним из приоритетных направлений декабристоведения в последние годы оставалось изучение биографий членов тайных обществ. Современная российская историография, проанализировав поголовно негативные характеристики, даваемые современниками П. Пестелю, сбросила его с пьедестала. По мнению С. Экштута, полковник был «чужим среди своих»: «Стиль мышления Пестеля и волевые качества его личности не вписывались в контекст духовной жизни» 1820-х гг. [28, с. 188].

Некоторые авторы слишком уж доверяют этим характеристикам, данным на следствии, когда кое-кто попытался свалить на П. Пестеля свои грехи. В. Парсамов попытался критически их осмыслить, видя в П. Пестеле сложную и многогранную личность, в которой противодействовали две национальные культуры: немецкий рационализм и русская широта души [19].

Больше всех для изучения биографии П. Пестеля сделала О. Киянская, проанализировав его жизнь не изолированно (как руководителя заговора), а на фоне исторических событий эпохи [12]. Историк удалось преодолеть искусственно созданную пропасть между служебной и конспиративной деятельностью декабриста. Она впервые четко обозначила пестелевское окружение – важный аспект формирования его личности, объективно показала методы, которые использовал лидер Южного общества в революционной борьбе. Так, освещены взаимоотношения П. Пестеля с начальниками, слабости которых он умело использовал: собирал компромат, подкупал дивизионного командира, вследствие чего мог рассчитывать на нейтралитет командиров в случае восстания. Опубликованные О. Киянской документы о финансовой деятельности командира Вятского полка показывают огромные растраты. В случае их открытия полковник был бы разжалован в рядовые [5].

Разрабатываемый О. Киянской вопрос об источниках финансирования будущей революции крайне важен. Сегодня мы можем отбросить ложный стыд и отказаться от наивной веры в то, что революции совершает только восставший народ. Любая революция, что доказывают и последние события в мире, обречена на провал, если не располагает определенными финансовыми ресурсами. Кстати, было бы любопытно провести историческую параллель между планами декабристов по добыванию денег и аналогичными действиями их европейских единомышленников.

Важная проблема декабристоведения – межнациональный диалог в декабристском движении, участие в нем представителей различных народов и этнических групп. Предметом исследования современных декабристоведов давно стали различия во взглядах декабристов на вопросы конституции, вооруженного восстания и др. Многие декабристоведы видят причины этого разнообразия в социальном и имущественном положении, участии в войне 1812 г., возрасте и пр. Однако часто игнорируется такой немаловажный фактор, как национальное происхождение и религиозная принадлежность. Для нас не вызывает никакого сомнения, что православный потомок украинской шляхты воспринимал насущные проблемы декабризма иначе, чем православный русский дворянин, лютеранин-немец в зном поколении или католик, сын выходцев из Италии. Декабристоведы не сомневаются в значительной роли остзейских немцев в подавлении выступления на Сенатской площади. Зачем же налагать табу на роль греков, итальянцев, украинцев в декабристском движении?

Проблема «декабристы и религия» – еще одно сравнительно новое направление в декабриане. В советское время она практически не разрабатывалась, если не считать попыток найти в декабристской среде атеистов. Сегодня же имеем первые попытки научного подхода в работах В. Боковой, Г. Казьмирчука, Т. Перцевой, И. Карацубы, А. Куликовской. Последняя на

основе новых материалов из польских архивов проливает свет на религиозные чувства М. Лунина. После получения из Петербурга письма о восстании 14 декабря 1825 г. и начале арестов членов тайных обществ декабрист в течение одного дня посетил десять костелов и сиротский приют с благотворительной целью. Правда, автор отмечает, что «до этого он ни разу не посещал костелы, а вот на охоту и на вечеринки выезжал довольно часто» [16].

В. Бокова склонна считать, что в большинстве своем декабристы были верующими христианами, а те, кого раньше записывали в атеисты, на самом деле были деистами. Они выступали не против религии, а против огосударственной церкви. Именно среди декабристов, по мнению историка, особенно часто встречается тип образцового христианина, крайне редкий среди дворянства того времени. Эти мысли являются отправной точкой в исследовании проблемы «декабристы и религия», потому что пока отсутствует ее глубокий анализ и специальные работы.

Новые подходы предлагаются и в методологии изучения декабризма. Они связаны, прежде всего, с техническим прогрессом. Например, новый количественный (квантитативный) метод предложили О. Эдельман, Н. Самовер и К. Боленко. Они попытались переложить на язык цифр материалы следствия и суда над декабристами с целью выяснить задания, поставленные перед следствием, и методы, применяемые для их разрешения, а также выяснить разногласия во мнениях судей и то, каким образом эти мысли повлияли на судьбу того или иного декабриста. К. Боленко и Н. Самовер на основании количественных данных попытались выяснить персональный состав группировок членов Верховного уголовного суда, их стабильность и пр.

О. Эдельман провела подобное исследование материалов следствия над декабристами. В частности, интерес представляют ее выводы, сделанные на основании составленных графиков допросов, что работа А. Бенкендорфа как следователя более импонировала Николаю I, нежели работа А. Чернышева, что и сыграло свою роль при назначении начальника III Отделения [27, с. 58]. Правда, многие историки полагают, что подобные исследования носят формальный характер, потому что попытки понять процесс над декабристами с помощью только количественных методов, без учета конкретно-исторической ситуации первой четверти XIX в., не принесут никаких результатов.

Итак, преодолев кризис первой половины 1990-х гг., постсоветское декабристоведение доказало свою жизнеспособность. Движение декабристов остается популярной исторической темой. Сегодня исследователи данной проблемы группируются вокруг ряда периодических изданий, таких как: «14 декабря 1825 г. Источники, исследования, историография, библиография», «Сибирь и декабристы», «Декабристы на Украине: исследования и материалы». Удалось возобновить издание документальных серий «Восстание декабристов» и «Полярная звезда». Попытки переосмысления декабризма содержат немало ценных мыслей, но имеют и серьезные ошибки. Нельзя не отметить широту научных подходов и изучаемой проблематики, однако новая целостная концепция всего движения пока не создана. Да этого и не требует сегодняшний момент. Следует помнить, что революционная (герценовско-ленинская) концепция восторжествовала в

СССР только спустя 40 лет (т. е. после выхода нечкинского двутомника) после отказа от дореволюционных концепций.

На наш взгляд, сегодня более продуктивный путь – это переосмысление декабристского движения, опираясь на документы и труды наших предшественников, нежели создание новой концепции декабризма с нуля, т. е. правильно было бы объединить два направления в современном декабристоведении.

1. *Бокова В. М.* «Большой скорее жив, чем мертв»: заметки об отечественном декабристоведении 1990-х гг. // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. – СПб ; Кишинев, 2001. – Вып. 4. – С. 497–561.

2. *Бокова В. М.* [Вступительная статья] // Декабристы и их время / отв. ред. В. М. Бокова. – М., 1995. – С. 5–15.

3. *Брюханов В.* Заговор графа Милорадовича / В. А. Брюханов. – М. : АСТ ; ООО Астрель ; ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 415 с.

4. *Бушков А.* Россия, которой не было-4. Блеск и кровь гвардейского столетия / А. Бушков. – М. : ОЛМА – ПРЕСС ; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2005. – 410 с.

5. Документы о финансовой деятельности П. И. Пестеля в Вятском пехотном полку / вступ. ст., публ. и коммент. О. И. Киянской // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. – СПб. ; Кишинев, 2001. – Вып. 4. – С. 198–228.

6. *Епанчин Ю. Л.* Оценка движения декабристов в постсоветской литературе // Духовная среда деятельности человека. – Саратов, 2001. – № 5. – С. 207–213.

7. *Казакевич Л.* Об одном взгляде на идеологию декабристов // Проблемы юторії України XIX – початку XX ст. – Киев, 2001. – Вып. 3. – С. 82–91.

8. *Казьмирчук Г. Д.* Рух декабристів: дискусійні питання та спроба їх розв'язання (до 180-річчя повстання) / Г. Д. Казьмирчук, Ю. В. Латиш // Український юторичний журнал. – 2005. – № 6. – С. 56–59.

9. *Казьмирчук Г. Д.* Українське декабристознавство. / Г. Д. Казьмирчук, Ю. В. Латиш. – Киев ; Черкасы, 2002. – С. 257–268.

10. *Казьмирчук Г. Д.* Современное декабристоведение на постсоветском пространстве. Становление, проблематика, научные центры и перспективы развития / Г. Д. Казьмирчук, Ю. В. Латиш // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. – М., 2008. – С. 640–662.

11. *Киянская О. И.* Кто такие декабристы и за что они боролись? (Неюбилейные заметки о юбилейных конференциях) // Отеч. история. – 2001. – № 5.

12. *Киянская О. И.* Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик / О. И. Киянская – М., 2002.

13. *Киянская О. И.* П. И. Пестель и греческая национально-освободительная революція // Декабристи в Україні: дослідження й матеріали. – Киев, 2003. – Т. 3. – С. 67–90.

14. *Киянская О. И.* Декабристоведение сегодня, или Кто такие декабристы и за что они боролись? // Киянская О. И. Южное общество декабристов. Люди и события. – М., 2005. – С. 350–363.

15. *Крижановська О.* Право-монархічна оцінка декабристського руху у працях російських дослідників // Декабристські читання : тези Міжнародної ювілейної науково-теоретичної конференції. – Киев, 2000. – Вып. 6. – С. 38–43.

16. *Куликівська А.* Польські зв'язки декабристів у відображенні документів з Центрального архіву давніх актів у Варшаві // Декабристи в Україні: дослідження й матеріали. – Киев, 2004. – Т. 3. – С. 208–209.

17. Орлова Т. Новые возможности изучения движения декабристов с точки зрения истории ментальностей // *Декабристы в Україні: дослідження й матеріали*. – Киев, 2004. – Т. 3. – С. 113–128.
18. Острецов В. Массонство, культура и русская история (историко-критические очерки) / В. Острецов. – М., 1998.
19. Парсамов В. С. Из литературного быта Тульчинской управы декабристов // *Историк и историография: материалы науч. конф.* – Саратов, 1999. – С. 91–97.
20. Платонов О. Терновый венец России. История масонства 1731–1995 / Л. Платонов. – М., 1995.
21. Савичев Н. П. Первые благовестители свободы / Н. П. Савичев. – Киев: Политиздат Украины, 1990. – 247 с.
22. Сафонов М. М. 14 декабря 1825 года как кульминация междоусобия // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. – СПб.; Кишинев, 2001. – Вып. 4. – С. 61–89.
23. Смолин М. «Янычары ночного братства» // Графиня С. Д. Толь. Ночные братья. – М., 2000. – С. 5–22.
24. Тинченко Я. Подвиг, которого не было // *Киевские ведомости*. – 2000. – 16 дек. С. 16; 22 дек.
25. Федоров В. А. Декабристы и их время / В. А. Федоров. – М., 1992.
26. Шешин А. Б. Об изучении и обобщении истории движения декабристов (Критические заметки о советском декабристоведеии 1950-х – начала 1990-х гг.) // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. – СПб.; Кишинев, 2000. – Вып. 2. – С. 239–282.
27. Эдельман О. В. Квантитативный подход к изучению материалов следствия над декабристами // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. – СПб.; Кишинев, 2001. – Вып. 4. – С. 51–60.
28. Экштут С. А. В поисках исторической альтернативы: Александр I. Его сподвижники. Декабристы / С. А. Экштут. – М., 1994. – С. 285.
29. Эрлих С. Е. Мифологические предпосылки отечественного декабристоведеии (Постановка проблемы) // 14 декабря года: Источники, исследования, историография, библиография. – СПб.; Кишинев, 2001. – Вып. 4. – С. 562–602.

Controversial Issues on the Decembrists Movement in the Post-Soviet Historiography

G. D. Kazmirchuk, Yu. V. Latysh

Kiev Taras Shevchenko National University, Kiev (Ukraine)

The article concerns the main tendencies in the contemporary studies on the Decembrists movement, reasons for the dissociation of researchers, as well as the meaning and significance of the reevaluation of the Decembrists movement in the history of Russia.

Key words: soviet and post-soviet historiography on the Decembrists movement, academic schools, new approaches, methodology of the studies on the Decembrists movement, political elite at the beginning of the XIXth c., mentality of the nobles.

Казьмирчук Григорий Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории для гуманитарных факультетов Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Украина, 01033, г. Киев, ул. Владимирская, 60, к. 444, тел. +380994615881, e-mail: Kazmyrchuk@ukr.net

Kazmyrchuk Grigoriy Dmytrievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of the Arts faculties, Kiev Taras Shevchenko National University, Ukraine, 01033, Kiev, Volodymyrska St., 60, office 444, phone +380994615881, e-mail: Kazmyrchuk@ukr.net

Латыш Юрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для гуманитарных факультетов Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Украина, 01033, г. Киев, ул. Владимирская, 60, к. 444, тел. +380968688847, e-mail: j_latysh@ukr.net

Latysh Yuriy Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of the Arts faculties, Kiev Taras Shevchenko National University, Ukraine, 01033, Kiev, Volodymyrska St., 60, office 444, phone +380968688847, e-mail: j_latysh@ukr.net